

ЛИНГВИСТИКА

Лингвистика и образование. 2023. Том 3 №1. С. 6-17

Linguistics & education 2023 Vol. 3, no. 1. P. 6-17

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.29039/2712-9519-2023-1-6-17>

НЕКОТОРЫЕ РИТОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЛИРИЧЕСКОМ РОК-ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСА РОССИЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГРУППЫ «ЭЛИЗИУМ»)

Александр Борисович Алексеев

РАНХиГС, Москва, Россия

neuausstatten@mail.ru

Аннотация. В статье с помощью общенаучных и языковедческих методов, прежде всего лингвостилистического и контекстуального анализа, продолжено изучение лирического рок-дискурса. Акцент сделан на его гибридной природе – расположении между рок-, поэтическим и, возможно, развлекательными (молодежными) дискурсами. Установлено, что среди разных средств риторического воздействия, актуализируемых в рассматриваемой вариации рок-дискурса, важное значение имеют тропы, самыми распространенными из которых являются метафоры и эпитеты. В исследовании также выделены случаи прагматического использования личных местоимений, графических приемов; уделено внимание личности лирического героя (героини), которая представляется в том числе и языковой личностью.

Ключевые слова: дискурс, рок-дискурс, гибридный дискурс, лирический герой, троп.

Для цитирования: Алексеев А.Б. Некоторые риторические средства воздействия в лирическом рок-дискурсе (на примере дискурса российской музыкальной группы «Элизиум») // Лингвистика и образование. 2023. Том 3 №1. С. 6-17. <https://doi.org/10.29039/2712-9519-2023-1-6-17>

Original article

SOME RHETORICAL DEVICES IN LYRICAL ROCK-DISCOURSE (AT THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN MUSICAL GROUP «ELYSIUM»'S DISCOURSE)

Aleksandr B. Alexeyev

RANEPА, Moscow, Russia

neuausstatten@mail.ru

Abstract. In the article, with the help of general scientific and linguistic methods, primarily linguostylistic and contextual analyses, the study of lyrical rock-discourse is continued. The emphasis

is made on its hybrid nature, viz. Placement between rock, poetical and, perhaps, interactive (juvenile) discourses. It has been found out that among different tools of rhetorical influence, made use of in the studied variation of rock-discourse, tropes, the most common of which are metaphors and epithets, have an important role. In the research, the cases of pragmatic application of personal pronouns and graphics are considered. Attention is paid to the personality of the lyrical hero (heroine) that is shown to be a language personality as well.

Keywords: discourse, rock-discourse, hybrid discourse, lyrical hero, trope.

For citation: Alexeyev A.B. Some rhetorical devices in lyrical rock-discourse (at the example of the russian musical group «Elysium»'s discourse), *Linguistics & education* 2023;1: 6-17. <https://doi.org/10.29039/2712-9519-2023-1-6-17>

Введение

Термин «рок-дискурс» (англ. Rock – «качать») – производный от терминов «рок» («рок-музыка») и «дискурс». Он понимается как сложное соединение песенной (музыкально-композиционной, ритмической), коммуникативной и экстралингвистической составляющих (внешний вид, хронотоп, фактор адресата или его отсутствия и т.д.), органически связанных между собой. Рок-дискурс представляется субкультурной, молодежной практикой, иногда принимающей характер контркультурного, или оппозиционно-протестного течения, что не чуждо ни року, ни дискурсу как таковому – М. Фуко недаром отмечал, что дискурсы обладают способностью конституировать объекты социального мира [1, р. 49]. Дискурс выступает «и инструментом власти, и ее результатом, но также препятствием власти, на которое она натывается, начальным этапом ... противостояния ей» [2, р. 101].

Лирический (от греч. Λυρικός) рок-дискурс – разновидность рок-дискурса, имеющая отношение к чувствам, субъективным переживаниям, настроениям рок-исполнителя, транслирующая спектр эмоций, испытываемых лирическим героем, в роли которого нередко выступает сам рок-музыкант, в том числе посредством риторических средств воздействия. Лирический песенный текст поэтому приближается к поэтическому, но это «звучащая поэзия», призванная не быть читаемой, но воспроизводимой на рок-сцене, это современная поэзия, ориентированная на определенную возрастную аудиторию, допускающая «нелитературные» техники воздействия на адресата.

Нарушение табу, правил, норм ложится в основу (новых) течений рок-музыки, и хотя лирический рок-дискурс обособлен от них своей некоторой интровертированностью, устремленностью к внутреннему, а не к внешнему миру, он тоже может представлять собой вызов общественному вкусу и, следовательно, шокировать «непосвященных» людей резкостью, грубостью, иногда проявляемой уже на этапе выбора имени рок-группы («Порнофильмы», 'Pussy Riot'), эпатажным поведением музыкантов («фанов») – порой одним

только их внешним видом. Вместе с тем лирический, чувственный компонент всегда представлен в рассматриваемой вариации рок-дискурса.

Теоретико-методологические предпосылки исследования

Рок-дискурс изучается посредством не только лингвистического, но и, например, культурологического методологического инструментария. По всей видимости, это одна из причин, почему сам термин «рок-дискурс» менее употребителен, чем политический, медицинский или педагогический дискурс. Несмотря на ряд интересных филологических исследований рок-дискурса, насколько нам известно, не образовалось научной школы «рок-лингвистики», в отличие от политической, медицинской или педагогической лингвистик, заявивших о себе в результате расширения предметного поля языкознания.

Можно было бы дискутировать и по поводу социальной значимости рок-музыки: при всей ее несомненно важной роли в формировании молодежных субкультур, трансляции определенных, в том числе политических, педагогических, мировоззренческих смыслов (ср. со спортивным дискурсом и его влиянием на подрастающее поколение [3, с. 177]), интуитивно трудно поставить на один уровень такие влиятельные дискурсы, как политический, медийный, юридический, военный, научный, религиозный, педагогический, медицинский – отнюдь не исчерпывающий список институциональных коммуникативных сред – и, казалось бы, одну из многих вариаций песенного дискурса, не всеми любимую, – рок-дискурс. Во французской социологии, в частности в работах М. Фуко, цитируемых ранее, дискурсы квалифицируются по критерию их социального веса (подходы к классификации дискурсов см. в [4, с. С. 36-37]).

С другой стороны, необходимо отметить, что традиционный взгляд на общение – делимое на институциональное, строго регулируемое и, как в случае с политическими, юридическими, здравоохранительными (медицинскими), педагогическими (научными), военными (оборонными) и т.д. институтами, обладающее витальной значимостью для общества, и неинституциональное, или лично-ориентированное, бытийное, связанное не столько с социумом, сколько с индивидом, его внутренним миром и чувствами / эмоциями – не совсем верен, поскольку дискурсивная категория «институциональность» носит относительный, градуальный характер. Так, современная коммуникация, в том числе, наделенная ярко выраженными институциональными чертами, может конструироваться посредством тейнмент-технологий [5, с. 31], в результате чего возникают интерактивные дискурсивные явления, как политейнмент, инфотейнмент, бизнестейнмент, сайсентейнмент, спортейнмент. Дискурс, опосредованный воздействием медиа, являет собой, по словам Е.А. Кондаковой и О.В. Принципаловой, «шоу, постановщики которого зачастую сознательно

создают провокационные контексты, чтобы шоу получилось более захватывающим» [6, с. 151].

Все выше сказанное побуждает исследователей обращать внимание на глобальный развлекательный дискурс, который не ограничен своей первоначальной сферой бытования (игровая индустрия, мир шоу-бизнеса и т.п.), но активно проникает за ее пределы – в те коммуникативные среды, где тейнмент-элементы воспринимаются еще чужеродными. Рок-дискурс к ним не относится, но он вполне пересекается с понятием «развлекательный дискурс», а также может быть охарактеризован и в других, привлекающих внимание ученых терминах как «песенный дискурс», «музыкальный дискурс», «дискурс молодежи», «протестный дискурс». Это показывает, что, на самом деле, речь идет не об обособленных, изолированных дискурсивных пространствах, а скорее, о дискурсивном континууме, лишь условно – в исследовательских целях – делимом на определенные сегменты («дискурсы»), неизбежно пересекающиеся друг с другом, образующие то, что лингвисты все чаще предлагают именовать гибридными дискурсами.

В настоящей статье гибридная природа рок-дискурса отражена: сам предлагаемый термин – лирический рок-дискурс – относится к специфической разновидности коммуникативной среды, располагающейся между собственно рок- и поэтическим дискурсами, отмеченной лиризмом и логически вытекающей из него экспрессией языковых средств. Именно поэтический, лирический компонент объекта нашего изучения побуждает к использованию в качестве ключевого метода исследования – метод лингвостилистического анализа, основанный на выделении тропов и фигур речи, сочетающийся с применением общенаучных и квантитативных методологических инструментов. К первым относятся хорошо известные методы наблюдения, описания, сравнения, индукции, вторые – предполагают количественный подсчет употреблений изобразительно-выразительных средств, что в какой-то степени позволяет измерить риторичность, лиричность рок-текстов, представить ее в цифровой форме и в виде диаграмм. Необходимость осветить воздействие риторических средств на адресата побуждает нас обращаться к некоторым положениям прагмалингвистики и, в частности, к таким прагмалингвистическим методам исследования, как контекстуальный анализ. Последний представляет возможность учесть коннотативные значения лексических единиц и функции, выполняемые ими в определенном контексте.

Материалом исследования служат двенадцать лирических рок-текстов российской музыкальной группы «Элизиум». В их числе: «Весна-соблазны», «Куда теряется мечта», «Все острова», «Сказка», «Как Ван Гог», «Дремлют улицы в желтых огнях», «Как мотылек», «Алкогольная», «Дождь», «Твоя любовь

была как сон», «В небо улетают самолеты», «Интересно». В своей совокупности, взятые в аспекте их событийности (исполнения в рамках рок-концертов), данные тексты и образуют лирический рок-дискурс.

Особенности употребления тропов в лирическом рок-дискурсе. Личность лирического героя vs. Рок-музыканта

Ведущей функцией языка, используемого в рок-текстах, является не информативная, а экспрессивная (в иной терминологии – функция воздействия [7, с. 94]). Она манифестируется в широком применении музыкантами тропов и риторических фигур, а также поиске экстралингвистических средств влияния на аудиторию (задействование темпа, ритма музыки; создание атмосферы, соответствующей обстановке рок-концерта; актуализация языка тела и т.п.). При этом, как мы отмечали в одной из своих работ, посвященной лирическому рок-дискурсу, его ключевой темой можно считать трансляцию чувств. В качестве фона представляются «сведения о природе / погоде, ... соотношенные с эмоциональным состоянием человека» [8, с. 8] – смысловой акцент делается именно на внутренних переживаниях лирического героя (героини). Это замечание справедливо, даже если песня посвящена явлениям природы, например, дождю:

*Дождь простучал, песен по стеклу,
Ветер в руке, треплет мятые банкноты.
В черной таске, в пьяном бреду,
Я у стола на кухне второпах черкаю ноты. ...
Город в плену, за стеной дождя,
Струны косые, строчат как из пулемета.
В лужах кипит, небом вода,
Ты у окна стоишь одна и молча ждешь чего-то.*

(<https://altwall.net/texts.php?show=elizium&number=82910>)

Последние строчки музыкальных куплетов описывают эмоциональное состояние лирического героя и героини – на них падает логическое ударение. Экспрессия лирического рок-текста достигается через актуализацию изобразительно-выразительных средств – тропов. В приведенном речевом фрагменте наблюдаем использование метафор (песен по стеклу; Ветер в руке; Город в плену; за стеной дождя), эпитетов (В черной таске, в пьяном бреду; Струны косые), олицетворений (Дождь простучал), сравнений.

Отметим разговорный стиль самого стиха, сознательное нарушение рок-исполнителем ряда языковых правил, что отражается на орфографии анализируемого произведения (В черной таске; ср. с выражением «дифчонки» в песне «Весна-соблазны», см. далее), хотя необходимо подчеркнуть: рок-дискурс – это почти всегда устный (точнее – устно-событийный), а не письменный текст,

или чаще – совокупность текстов. Написание отдельных лексем рок-песни соотносится с характерными чертами их звучания, в особенности в молодежной среде, что определяется и одновременно преломляется в таких конститутивных и аддитивных коммуникативных трендах современности, выделяемых Е.Н. Галичкиной, как симплификация, ювенилизация, презентационность, американизация [9, с. 98]. Они сочетаются с демократизацией общения, позволяющей инкорпорировать в рок-дискурс жаргонные, а порой и нецензурные выражения. Например:

Может, я не догоняю

Что реально я теряю...

(<https://altwall.net/texts.php?show=elizium&number=82919>)

Или: Ночь раздевается, и нам улыбается,

И нас не страмается, и нам всё веселей ...

Мы бухаем всю ночь, город манит нас прочь – улетает тоска...

(<https://altwall.net/texts.php?show=elizium&number=82912>)

Нестандартная или ошибочная орфография – в письменном источнике – способствует созданию эффекта языковой игры, как в следующих строчках:

...я очарован сто лет той прекрасной СКАзкой

(<http://slushat-tekst-pesni.ru/elizium/kuda-teryatsya-mechta>)

Ср.: Весна! Весна! – дифчонки, солнце, Ska!

(<https://textypesen.com/elizium/vesna-soblazny/>)

Лексема «СКА», выделяемая рок-исполнителем, относится к области музыкальной терминологии: ямайский музыкальный стиль на английском называется ‘ska’. Таким образом можно констатировать, что графические средства воздействия не чужды письменным рок-текстам. Устные же рок-тесты компенсируют невозможность зрительного представления слов – если только речь не идет о креолизированном «рок-послании» – акцентированием произношения тех или иных лексических единиц, сопровождением пения жестикуляцией и другими приемами.

В ряде рок-песен обнаруживаем употребление кратких прилагательных, формируемых через усечение у них окончаний, в том числе с нарушением языковых норм, что объясняется тяготением рок-дискурса к ювенилизации и разговорному, порой разговорно-просторечному стилю. Например,

Вокруг плывут соблазны, – дифчонки всяки – разны,

Красивы – безобразны, – и разбираться некогда! (Там же).

Рассматриваемые прилагательные выполняют функции эпитетов. Они вступают друг с другом в синонимические (всяки, разны) и антонимические

(красивы, безобразны) отношения. Выражение «плывут соблазны» – метонимия (соблазны = соблазнительные «диффонки») и одновременно метафора (ключевое слово в данной связи – «плывут»).

Лирический герой (героиня), предстающий в изучаемой вариации рок-дискурса, во всем богатстве его переполняющих, томящих (гнетущих) чувств и эмоций, едва ли – если только в силу ограниченного языкового материала – поддающихся классификации, может быть рассмотрен сквозь призму тропов, которые он – в лице рок-исполнителя – использует. При этом происходит отождествление – полное или, как минимум, частичное – лирического героя и рок-музыканта. В данной связи можно ставить вопрос о языковой личности (далее – ЯЛ) рокера. Это представляет собой лингвистическую проблему, выходящую за рамки настоящей статьи, но некоторые замечания сделаем, отметив центральность не столько языкового, сколько личностного компонента в термине «языковая личность», на что указывал еще создатель теории русской ЯЛ Ю.Н. Караулов [10, с. 35].

ЯЛ рокера – эмоциональная личность. Важность изучения эмоций для антропоцентрического языкознания несомненна. Создать эмоциональную палитру в лирическом рок-дискурсе позволяют тропы. Рассмотрим пример:

День утонул, в окнах серых луж,

Люди угрюмо бредут вечером свободным.

Я не удел, я неуклюж,

Сердце ревет грозно, как турбина самолета.

<https://altwall.net/texts.php?show=elizium&number=82910>

Для описания личности лирического героя актуализируются главным образом эпитеты, включая переносные – метафорические / метонимические. Метонимические эпитеты коррелируют с разновидностью метонимии – гипаллаги (др.-греч. Ὑπαλλαγή – подмена, замена). Определение «серый», скорее, должно было бы относиться к дню, нежели лужам – посредством гипаллаги оно перемещено в предложении, в результате чего увеличена образность эпитета, сочетающегося к тому же сразу с несколькими яркими метафорическими образами («День утонул», «в окнах ... луж»). Обстановка, окружающая лирического героя, люди, которых он видит, – все угрюмо, невесело. Несмотря на это, лирический герой тяготеет не столько удручающей атмосферой, сколько сознанием того, что «он не удел». В последней строчке куплета применяются одновременно несколько тропов – метафора (Сердце ревет), эпитет (грозно), сравнение (как турбина самолета).

Стремление, рвение к деятельности – характерный мотив лирического рок-дискурса, который, на самом деле, если мы ведем речь конкретно о российской

музыкальной группе «Элизиум», не столь удален от ее творчества на более острые, социально-политические темы (см. композиции «Сколько стоишь ты?», «Где-то сжигают книги» и др.). Неслучайно, что музыканты проводят параллели между собой и великими людьми – от путешественников-первооткрывателей до выдающихся художников (см. песню «Как Ван Гог»). Это открывает еще один аспект (языковой) личности рокера – креативного, деятельного субъекта, смело берущегося за любые начинания:

*Они мечтали, к волнам спускали
За бригом бриг, не покладая рук.
И уплывали, хотя не знали
Когда увидят вновь своих подруг.
Все острова – давным, давно открыты.
И даже те – где тесно и вдвоем.
Но, все то, что мы знаем, – ни чего не значит.
Все то, что мы знаем, – ни чего не значит.
Для нас – мы новый найдем!*

(<https://blatata.com/pesni/14141-elizium-ostrova.html>)

Из тропов отметим здесь гиперболу (спускали // За бригом бриг; где тесно и вдвоем), выражаемую и с помощью фразеологической единицы (не покладая рук), метонимию (Они ... уплывали), эпитеты. Актуализируются лексические повторы (...все то, что мы знаем ... Все то, что мы знаем).

В ряде песен наблюдаем столкновение образов, достигаемое в результате использования антитез (сбывается – идет ко дну; свет – темнота), а наряду с ними – оксюморонов (лето в Январе, в решете вода). Оперирование последними создает легко запоминающиеся сюрреальные образы:

*В который раз сбывается мечта,
И в сотый раз идет ко дну,
В который раз забрезжит свет любви,
И тут же канет в темноту
Как лето в Январе,
Как в решете вода,
Сжигает в топке дней свои года (Там же).*

Отметим, что применение разговорного полушутливого, несколько ироничного фразеологизма «носить воду в решете», в данном случае усеченного, также способствует эффекту языковой экспрессии.

Не всегда можно отождествлять личность рок-музыканта с лирическим героем (и в особенности героиней), способы (само)презентации которого во

многим зависят от использования личных местоимений. В нашем материале абсолютное большинство рок-тестов читаются от первого лица, но возникают в них и дополнительные образы лирического героя или героини (см. Рис. 1):

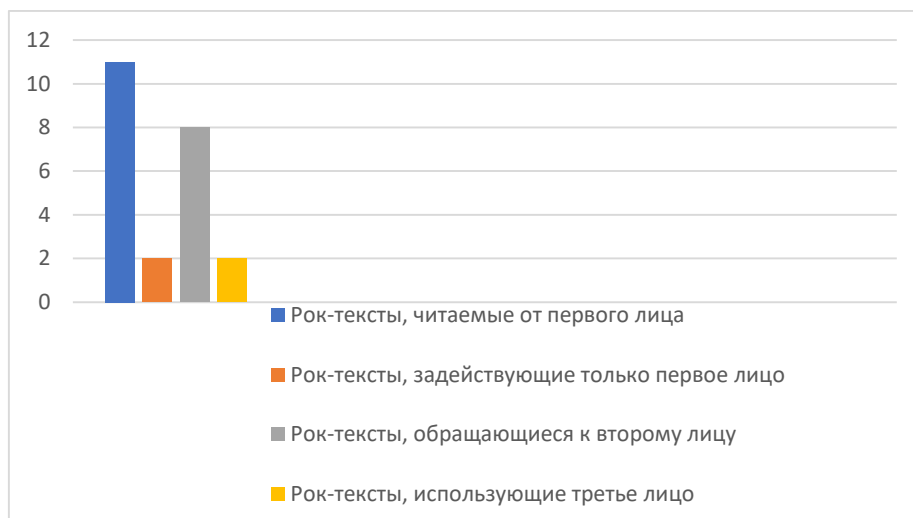

Рис. 1. Особенности (местоименной) референции к лирическому герою (героине)

Как видно из Рис. 1, в рок-дискурсе часто употребляются местоимения во втором лице. Речь в данных случаях заходит о лирической героине, как в следующем примере, где через метафору передается весенняя влюбленность в нее:

Бегу по мёрзлым лужам – и я тобой простужен...
[\(https://textypesen.com/elizium/vesna-soblazny/\)](https://textypesen.com/elizium/vesna-soblazny/)

Иногда «я» противопоставляется «ты», что создает ситуацию конфликта – тогда можно ставить вопрос об оппозиции лирического героя некоторому лицу. Местоимение «ты» используется и в контексте размышления рок-исполнителя о смысле жизни:

*Пусть ты сделал все не так
 И в жизни всё не то...
 Пусть ошибочно построил
 Дом ты на песке
 Что-то не сложилось
 В жизненной реке
 Не кручинься
 Даже лютый снег весной растает...*
[\(https://altwall.net/texts.php?show=elizium&number=102410\)](https://altwall.net/texts.php?show=elizium&number=102410)

Риторическое воздействие на адресата достигается в приведенном текстовом фрагменте посредством выстраивания доверительного диалога с ним – местоимение «ты» играет ключевую роль. Обратим внимание на примененные тропы, прежде всего метафоры, эпитеты, (В жизненной реке, лютый снег), аллегории (Дом ... на песке).

На основании проанализированного материала можно привести следующие статистические данные использования основных тропов (средств выразительности) в лирическом рок-дискурсе (см. Рис. 2):

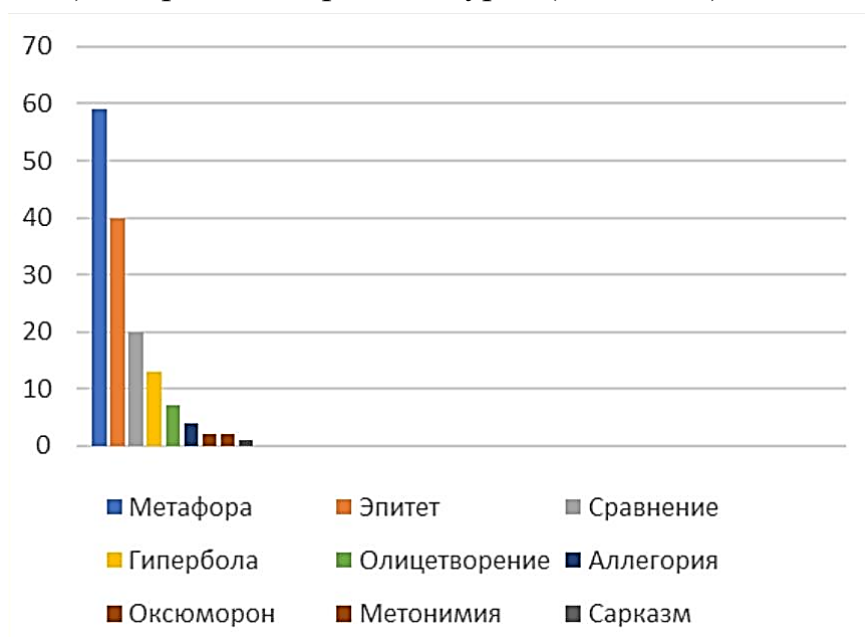

Рис. 2. Тропы, используемые в лирическом рок-дискурсе

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, установлено, что лирический рок-дискурс – вариация рок-дискурса – обладает рядом особенностей. В их числе необходимо отметить гибридный характер данной коммуникативной среды, имеющей, несомненно, много общего с роком, но также тяготеющей к молодежной поэзии, – как и в случае с любой иной поэзией, – ориентированной на оказание риторического воздействия на адресата. Центральной фигурой становится личность лирического героя, которая – в последующих исследованиях – может быть рассмотрена в качестве языковой личности. В некоторых случаях наблюдаем полное отождествление рок-исполнителя с лирическим героем, в других – лишь частичное. Особой значимостью в этой связи обладает прагматическое использование в рок-текстах (личных) местоимений.

Среди разных риторических средств воздействия в статье были проанализированы тропы. Метафоры и эпитеты, будучи миромоделирующими тропами, являются ключом к созданию пространства лирического рок-дискурса,

что подтверждается предпринятым количественным анализом. Однако это не значит, что другим тропам отводится некоторая второстепенная роль – в дальнейшем имеет смысл изучить каждый троп и его функции, в выделенной коммуникативной среде в отдельности.

©Алексеев А.Б., 2023

Список источников

1. Foucault M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. – 254 p.
2. Foucault M. The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth: Penguin, 1978. – 168 p.
3. Мальцева И.А. Манипулятивные способы воздействия на аудиторию в контексте спортивного медиадискурса (на примере федерального телеканала «Матч-ТВ») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. – Том 8(74). – № 1. – С. 177-187.
4. Карамова А.А. Современный политический дискурс (коммуникативно-прагматический аспект): монография. М.: Голос-Пресс, 2017. – 316 с.
5. Грошева А.В. Политеймент-дискурс: к определению понятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. – № 4. – С. 31-37.
6. Кондакова Е.А., Принципалова О.В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 143-156.
7. Алексеев А.Б. Лирический рок-дискурс российской музыкальной группы «Элизиум». Лингвистика и образование, 2022. – № 2(2). – С. 5-16.
8. Стырина Е.В., Мартиросян А.А. Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 92-105.
9. Галичкина Е.Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия ВГПУ. 2019. – № 2 (135). – С. 97-100.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е. изд. М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
11. Булгакова А.А. Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. – № 3 (42). – С. 82-90.

References

1. Foucault M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. – 254 p.
2. Foucault M. The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth: Penguin, 1978. – 168 p.
3. Mal'ceva I.A. Manipuljativnye sposoby vozdejstvija na auditoriju v kontekste sportivnogo mediadiskursa (na primere federal'nogo telekanala «Match-TV») [Manipulative ways of influencing the audience in the context of sports media discourse (on the example of the federal TV

channel «Match-TV»). Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki [Scientific notes of the Crimean federal university named after V.I. Vernadsky]. 2022. – Vol. 8(74). – No 1. – Pp. 177–187.

4. Karamova A.A. Sovremennyy politicheskij diskurs (kommunikativno-pragmatischeeskij aspekt): monografija [Modern political discourse (communicative and pragmatic aspect): monograph]. M.: Golos-Press, 2017. – 316 p.

5. Grosheva A.V. Politejnmment-diskurs: k opredeleniju ponjatija [Politainment discourse: to the definition of the concept] // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija [Sign: the problem field of media education]. 2022. – No 4. – Pp. 31-37.

6. Kondakova E.A., Principalova O.V. Lingvokognitivnaja struktura nemeckogo diskursa o politkorrektnosti: istorija i sovremennost' [Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics] // Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2021. – Vol. 19. – No 2. – Pp. 143-156.

7. Alekseev A.B. Liricheseskij rok-diskurs rossijskoj muzykal'noj grupy «Jelizium» [Lyrical rock-discourse of the Russian musical group 'Elysium']. Lingvistika i obrazovanie [Linguistics and education]. 2022. – No 2(2). – P. 5-16.

8. Styrina E.V., Martirosjan A.A. Jelementy fikcional'nosti v mediateksthah: stolknovenie real'nogo i vymyshlennogo [Typology of speech genres of network computer communication] // Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2021. – Vol. 19. – No 1. – Pp. 92-105.

9. Galichkina E.N. Tipologija rechevyh zhanrov setевой komp'juternoj kommunikacii [] // Izvestija VGPU [VSPU news]. 2019. – No 2 (135). – Pp. 97-100.

10. Karaulov Ju.N. The Russian language and the language personality. 7th edition. M.: LKI, 2010. – 264 p.

11. Bulgakova A.A. Sozdavaja novyj mir: principy transmedijnogo storitellinga v novostnom diskurse o pandemii COVID-19 [Creating a new world: transmedia storytelling principles in the COVID-19 pandemic news discourse] // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Actual issues of contemporary philology and journalism]. 2021. – No 3 (42). – Pp. 82-90.